

УДК 9.91

В. В. Шведова

АВТОХТОННЫЙ КОМПЛЕКС СУБПЕРИОДОВ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРИАМУРО-ПРИМОРСКОГО РЕЛИГИОЗНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАЙОНА

Данная статья посвящена исследованию территории возникновения Приамуро-Приморского религиозно-географического района на наиболее раннем временном отрезке его эволюции. Освещены элементы автохтонных анимистических верований, привлечено описание археологических материалов в виде культовой наскальной живописи. Обусловлены основы районирования и структурирования территории. Выделены и описаны основные структурные элементы.

Ключевые слова: религиозно-географический район, религиозно-географическая структура, петроглифы, анимизм, религиозно-географический фон, вмещающая населенная территория.

Религия представляет собой уникальное общественное и исторические явление, основы которого возникли практически одновременно с выделением вида *homo sapiens*. Способность предполагать возможное существование потустороннего мира, абстрактно мыслить и задумываться о влиянии на жизненный процесс неких внешних сил ещё с глубокой древности отличала первых людей от окружавших их животных.

Развитие и распространение религии всегда было неразрывно связано с процессами эволюции человечества, его расселения по земному шару, возникновения и роста протогосударственных и государственных образований, усложнения социальной структуры. Все перечисленные явления, а также сам факт существования человеческого общества, имеют неотъемлемую территориальную привязку: их проявление невозможно без наличия географической «площадки», на которой данное проявление и осуществляется. Кроме того, вся религиозная инфраструктура, рано или поздно формирующаяся в том или ином виде, также дислоцируется в пределах определённого участка земной поверхности. Нельзя отрицать того, что распространение какого-либо религиозного учения происходит непосредственно в конкретных регионах, а степень этого распространения характеризуется в рамках территориальных понятий. Как следствие, религия, представляя собой сложное социальное явление, также носит территориальный характер. Это обуславливает то,

Шведова Влада Вячеславовна — аспирант (Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, Биробиджан); e-mail: doch_odina@mail.ru

© Шведова В. В., 2015

что религии присущи, как и любому другому территориальному явлению, пространственные неравномерности.

Как утверждал Д. Уиттлси, любые процессы и явления могут быть основой для выделения районов [12]. Принимая во внимание территориальность религии как явления и опираясь на классические положения гуманитарной географии, можно утверждать возможность проведения районирования территории по религиозному признаку.

Основным территориальным таксоном в этом случае предлагается считать религиозно-географический район (далее – РГР). Под РГР, исходя из классического определения района, сформулированного Н. Н. Колосовским [6], понимается определённый сектор земной поверхности, выделенный по признаку исторически сложившегося в его пределах конфессионального фона и отличающийся по данному признаку от соседствующих с ним территорий.

Одним из важных факторов, оказывающих существенное влияние на процесс формирования РГР, является ретроспективный [19]. Благодаря его воздействию формируется уникальный и многосторонний облик религиозно-географического фона района, который с течением времени становится все более сложным, приобретая свойство слоистости во временном измерении. Под религиозно-географическим фоном (далее – РГФ) подразумевается сложная территориальная проекция религиозной среды: вся взаимосвязанная совокупность составляющих её объектов, явлений, процессов, которые размещены или проявляются в пределах географической среды, обладая такими характеристиками, как координаты расположения, занимаемая площадь и конфигурация внешних очертаний. Максимальные границы распространения РГФ соответствуют, с незначительными отличиями, границам Ойкумены.

Таким образом, для полноценного анализа современного состояния любого выделенного по определённым признакам РГР необходимо подробно рассмотреть последовательный процесс эволюции религиозно-географической структуры на разных исторических этапах её развития. Под религиозно-географической структурой (РГС), исходя из социально-географической терминологии, предлагается понимать вмещённую в границы конкретного рассматриваемого района систему относительно устойчивых территориальных образований, исторически сложившуюся в данных рубежах в результате деятельности социума и состоящую из совокупности взаимосвязанных функциональных элементов целевого назначения. Для религиозно-географического структурирования территории наиболее оптимальным является использование схемы, разработанной Ю. Г. Саушкиным, где структура района представлена системой взаимосвязанных линейных и узловых элементов различного таксономического уровня [10].

Перечисленные теоретико-методологические положения позволяют перейти к рассмотрению и анализу начального периода процесса гене-

тического формирования выделенного на территории Российской Федерации Приамуро-Приморского религиозно-географического района (далее – ПП РГР). Данный район охватывает территорию современных Амурской области, Еврейской автономной области и Приморского края. Район идентифицирован в рамках данных территориальных пределов на основе следующих признаков:

- позднее историческое возникновение;
- конфессиональная пестрота района в его современном состоянии,
- наиболее интенсивное на территории Советского Союза проявление атеизма.

Совокупность этих признаков определяет уникальность религиозно-географического фона рассматриваемого района.

В ходе эволюции ПП РГР нами было выделено несколько периодов. В данном исследовании предлагается рассмотреть предшествующий им комплекс субпериодов, условно обозначенный как предварительный или автохтонный. Он охватывает временной отрезок с VII тысячелетия до н. э. до начала XVII века [17]. Такая продолжительность объясняется несколькими положениями.

В ходе исторического исследования и формирования периодического ряда часто возникает тенденция «исторического ускорения». Она проявляется в увеличении продолжительности выделенных периодов по мере их отдаления от современности исследователя. Это объясняется, в свою очередь, уменьшением количества исторических данных, необходимых для более подробной реконструкции и формирования более чётких границ выделенного периода [1]. В свою очередь, отсутствие исторических данных позволяет говорить о разнице между более древними и более приближёнными к современности периодами в несколько сотен раз [15].

Приамуро-Приморский религиозно-географический район представляет собой молодое территориальное образование: непосредственное начало процесса его формирования приходится только на XIX век и совпадает с распространением на его площадь российской государственности. Тем не менее, исследование комплекса субпериодов, предшествующего его образованию, представляется нам актуальным.

Данный продолжительный хронологический отрезок содержит в себе богатый и уникальный опыт исторического развития данного региона до распространения в его пределах российской государственности. Эта уникальность неоднократно констатировалась как в сохранившихся до наших дней исторических первоисточниках (китайские летописные хроники), так и в современных исследованиях (А. П. Окладников [8], А. П. Деревянко [3], В. Г. Шведов [14]).

Кроме того, как оговаривалось ранее, влияние исторического прошлого на облик района выражается в проявлении элементов его своеобразия на протяжении всего процесса его существования в системе пространственно-временных координат. Таким образом, религиозно-географический фон,

сложившийся в рамках территории, ставшей в дальнейшем основой для формирования ПП РГР, представлял собой базу для образования современного РГФ со всеми его уникальными чертами.

В целом, для автохтонного комплекса субпериодов было характерно повсеместное и условно равномерное распространение аборигенных верований анимистическо-шаманистского толка. Такая картина наблюдалась в то время по всей территории Сибири и Дальнего Востока, но уже тогда выделился определённый признак, отличающий рассматриваемую территорию от соседствующих с ней земель.

На юге Дальнего Востока к тому времени сформировался свой комплекс флоры и фауны, существенно отличающийся от комплексов окружающих территорий. Он определил совокупность животных, растений, природных явлений, составивших основу для формирования уникальной системы анимизма. Например, для территорий Сибири и юга Дальнего Востока одинаково характерна сакрализация образа медведя, но только на юге Дальнего Востока было распространено поклонение тигру, не проживающему в Сибири. Также для ранних верований Камчатского полуострова были характерны поклонение морским животным и сакрализация тектонических явлений, чего не наблюдалось на территории юга Дальнего Востока [4]. Многие религиоведы, а также географ Ф. Ратцель, указывали на то, что на первичном этапе становления РГР, при доминировании в нём политеистических и анимистических верований, ключевую роль в процессе формирования его уникальности играет естественно-природный фактор [9], [13], [18].

Следует отметить, что облик рассматриваемого РГР в то время существенно отличался от сформировавшегося в последующие периоды. Также это касается и его границ. В течение рассматриваемого временного отрезка они не были очерчены чётко и не совпадали с границами, характерными для более поздних периодов развития района.

Неизменной оставалась восточная граница, совпадающая с береговой линией Японского моря. Северная граница пролегла по линии Станового хребта, западная — Большого Хингана. Южная граница проходила вдоль бассейна Амура до верховий Сунгари [17]. Такое расположение границ также объясняется важной ролью естественно-природного фактора на ранних этапах становления религиозно-географического района. Отсутствие развитых средств коммуникации и передвижения делали препятствия естественного происхождения практически непреодолимыми для носителей религиозных взглядов, благодаря чему границы района чётко очерчивались по побережьям крупных водоёмов и вдоль горных массивов. Кроме того, важную роль здесь сыграли элементы сакральности, которыми наделялись природные объекты в силу своего воздействия на жизнь древнего населения.

Выделенный нами автохтонный хронологический комплекс включает в себя два субпериода. Первый из них охватывает временной отрезок

зок с VII тысячелетия до н. э. по III тысячелетие до н. э. и совпадает с завершением на территории юга Дальнего Востока плейстоценового оледенения. Характеристика этого субпериода не представлена в первоисточниках, существуют только примеры наскальной культовой живописи, и, как следствие, подробные объективные данные о нём у современных исследователей отсутствуют. Это позволяет говорить об относительной идентичности в сфере религиозной жизни населения с картиной, характерной для последующего субпериода. Ключевое различие заключается в том, что среди более ранних ритуальных изображений животных довольно часто встречаются представители фауны ледникового периода, такие как мамонты, шерстистые носороги, дикие лошади, пещерный лев. С наступлением примерно IV—III тысячелетия до н. э. и окончательным вымиранием животных периода плейстоценового оледенения эти изображения перестают встречаться [8].

Второй субпериод продлился с III тысячелетия до н. э. по XVII век н. э., приходясь на время расселения по данным территориям племен сушень и их этнических потомков. Сведения о сушенях, не имевших собственной письменности и, как следствие, не оставивших после себя письменных памятников, содержатся в древнекитайских летописях «Ши Цзин», «Цзинь Шу» и «Хуайнань Цзи», где первое упоминание об этом племени относится к 2021 г. до н. э. Согласно данной информации, в этом году в Древний Китай прибыли послы сушень, что положило начало формированию взаимоотношений (в основном торговых) между обеими сторонами [16]. Что касается этнокультурной принадлежности сушеней, то этот вопрос до сих пор остаётся открытым в силу нехватки необходимых археологических данных. Большинство современных исследователей предполагают, что племена сушень этнически представляли собой результат синтеза автохтонного тунгусо-маньчжурского и палеоазиатского населения с австронезийскими мигрантами, которые достигли этих мест в V тысячелетии до н. э. [14].

Второй субпериод в основном отличался от предыдущего комплексом животных, изображаемых на камнях, — среди них отсутствовали перечисленные представители фауны ледникового периода. Кроме того, в распоряжении исследователей находится большее количество археологического материала, чем в случае с первым субпериодом. Это позволяет восстановить приблизительную картину религиозных представлений того времени на реконструктивной основе.

Исследователи не располагают сведениями о наличии у местного населения святилищ, находившихся в поселениях или домах. Однако это не даёт возможности говорить об их объективном отсутствии. Вероятно, такие объекты существовали, по крайней мере, об этом свидетельствует наличие небольших капищ в поселениях у племён, до сих пор сохраняющих неолитический уклад. Но, скорее всего, такие постройки возводились из дерева и не имели прочного фундамента, в результате чего материальные свидетельства об их существовании не сохранились. Возможно, некоторые

из культовых обрядов совершались в «домах воинов» или «домах старейшин» — найденные останки свидетельствуют о наличии в посёлках зданий, более крупных и длинных, чем остальные жилища [3].

В качестве основного источника здесь выступают петроглифы — изображения, высеченные на камнях. Они встречаются среди горных комплексов и пещер, располагавшихся за пределами обжитых участков. Впервые петроглифы были обнаружены на территории Приамурья русским путешественником К. Макком в 1859 году. Позднее, в ходе археологических и географических исследований были выделены основные ареалы сосредоточения петроглифов.

На территории Верхнего Приамурья — в бассейне рек Олекма, Джалинда, Зея и близ расположения современного посёлка Архара. Другой ареал, расположенный в Среднем Приамурье, простирается вдоль бассейна р. Кия и окрестностей современного посёлка Сикачи-Алян. Нижнеамурский ареал распространяется на территорию Ульчского района Хабаровского края. На территории Приморья основное сосредоточение петроглифов пришлось на область Синегории. Также изображения животных и личин были найдены в пещерах близ бухты Посьет. Кроме петроглифов, здесь также были обнаружены многочисленные человеческие останки со следами каннибализма, имевшего, скорее всего, ритуальный характер [2].

На то, что петроглифы выполняли именно сакральные функции, а не представляли собой произведения искусства или своеобразные наглядные пособия по ведению охоты и анатомии животных, указывает ряд фактов. Во-первых, очевидно, что на камне высекались изображения далеко не всех животных, проживающих на данной территории, а только тех, которые по той или иной причине почитались в большей степени. Так, например, не найдено ни одного изображения рыси, хотя это животное встречалось местными жителями довольно часто. Вероятно, это связано с тем, что рысь в отличие от, например, тигра, нападала на жертву без «предупреждающего» рычания и чаще всего со спины. Это обусловило восприятие рыси как подлого зверя, не достойного в понимании древних людей увековечивания в камне. Во-вторых, по некоторым изображениям животных, в частности, лося и змеи, угадывается явное присутствие космогонической и солярной символики. В-третьих, часто рядом с изображениями животных обнаруживались различные символы, принадлежность которых без сомнения определяется исследователями, как культовая. Они в основном представлены различными спиральями, окружностями, а также антропоморфными личинами. Судя по данным радиоуглеродного анализа, эти изображения были созданы в тот же временной промежуток, что и зоолотрические петроглифы [2].

Кроме того, при проведении современных этнографических исследований было выяснено, что многие элементы древних представлений, зафиксированные учёными в XX веке, характеризовались автохтонными носителями как сакральные и перенятые от дальних предков. Это, в

свою очередь, подтверждает высказанное предположение о существенном влиянии ретроспективного фактора, когда черты, присущие историко-территориальной «базе» района, отчетливо проявляются на более поздних этапах его развития [8].

По имеющимся результатам исследований можно сделать заключение, что наиболее популярными среди местного населения из числа представителей древней фауны юга Дальнего Востока были тигр, медведь, кабан, лось, змея, орёл, а также куриные и водоплавающие птицы. По мнению А. П. Окладникова, существовало несколько принципов, в соответствии с которым животное возводилось в ранг сакрального существа. Среди них можно выделить:

- физические и моральные качества;
- элементы антропоморфности во внешнем виде;
- связь животного в представлении людей с потусторонним миром;
- связь животного в представлении людей с астральным и солярным культурами;
- связь животного с культурами жизни и встречи весны;
- олицетворение людьми в животном сверхъестественных способностей [8].

Что касается изображений хищных животных, таких как тигр и медведь, то их значение как культовых существ обусловлено природными условиями юга Дальнего Востока, повлиявшими на своеобразие сложившейся фауны. Культ тигра, воспринимаемого как хозяина тайги, имел особое значение в религиозной культуре сушеней. С этим зверем ассоциировались такие качества, как воинская отвага, сила, доблесть и благородство. Сакрализация образа тигра была настолько глубокой, что существовало полное табу на убийство этого зверя и на произношение его названия, которое заменялось различными синонимами. Эта традиция в неизменном виде сохранилась как у прямых потомков сушеней, так и у народов, поселившихся на данной территории позднее.

Медведь также играл одну из ведущих ролей в зоолотрическом культе древнего населения, но воспринимался, скорее, в качестве предка или родственника, а не сверхъестественного духа. Вероятно, это было связано с элементами антропоморфности во внешнем виде этого зверя и его чрезвычайной сообразительностью, проявляемой во время охоты на него. В связи с этим существовали так называемые «медвежьи праздники», на которых проводились поклонение духу медведя и ритуальное поедание его мяса. В отличие от культа тигра, табу на употребление медведя в пищу не существовало. Это объясняется, во-первых, восприятием поедания плоти зверя как ритуального соединения с предком и, во-вторых, очень важной ролью, которую играли в жизни людей продукты, добытые охотой на медведя (мясо, шкура, клыки, когти, жир, жилы, желчь).

Среди травоядных представителей фауны наиболее часто в изображениях встречались образы кабана и лося. Кабан почитался как «муж-

ской» зверь, особое внимание уделялось его плодовитости и способности к быстрой регенерации. Вероятно, этим объясняется обычай помещать в захоронения мужчин кабаньи туши, о чем свидетельствуют многочисленные археологические находки.

Лось, знаменующий своим брачным рёвом окончание зимы, ассоциировался с культом солнца. На особую связь лося с астрономическими представлениями указывают находки многочисленных изображений, условно означенных как «небесные лоси». На этих рисунках в тела животных были вписаны различные спирали и символы, трактуемые современными исследователями как космогонические.

Помимо перечисленных животных, среди петроглифов часто встречались изображения змей (предположительно, амурского полоза), связанных с культом солнца, а также куриных и водоплавающих птиц, ассоциировавшихся с культом встречи весны и почитанием Амура как священной реки соответственно [2].

Таким образом, очевидно, что древнее население рассматриваемой территории запечатлело на камне не столько материальные объекты, сколько свои мировоззренческие, космогонические и мифологические представления. По мнению С. Слейтера, с помощью зоолотрической символики передавались «опосредованные олицетворения различных сил природы» [11, с. 56], характерных для конкретной местности. Это играло ведущую роль в формировании пантеонов предковых тотемов покровителей.

Следует отметить, что позднее, после расселения по рассматриваемой территории племён мохэ, также были распространены петроглифы, но их общее количество резко сокращается, а характер изображений меняется. На поздних петроглифах изображения в основном были представлены антропоморфными фигурами, изображающими людей за их повседневными делами. Часто вместе с людьми изображались домашние животные [8]. Это объясняется более тесной взаимосвязью современников ранних изображений с дикой природой, более важной ролью, которую она играла в жизни общества. Также следует отметить, что поздние изображения были сделаны на камне при помощи металлических орудий, в то время как ранние создавались с помощью каменных инструментов. Это свидетельствует о сохранности и прочной преемственности религиозной традиции, несмотря на значительные изменения некоторых элементов жизненного уклада и производства.

Как видно из описанного, для религиозно-географической картины автохтонного комплекса субпериодов не была характерна четкая территориальная дифференциация. Это связано, прежде всего, с разреженностью населенческого фона и дисперсным характером расселения немногочисленного населения. В свою очередь, это явление в совокупности с особенностями анимистического религиозного уклада привело к отсутствию каких либо значительных территориальных неравномерностей религиозно-географического фона, который был довольно однообразным.

Несмотря на относительную примитивность РГФ, к тому времени на территории, послужившей основой для формирования ПП РГР, уже сложилась определённая религиозно-географическая структура. Рассмотренные ареалы распространения большого количества петроглифов можно расценивать как субъузловые образования. Субъузел представляет собой территориальное образование, распространяющее радиус своего влияния в пределах относительно мелкомасштабного ареала и выполняющее небольшое количество функций. Мы не можем охарактеризовать места сосредоточения петроглифов как узлы, субъядра или ядра, поскольку на данный момент не имеем сведений о существовании в их границах специализированных святилищ, которые выполняли бы коммуникативную функцию. В свою очередь, религиозно-географические узлы, ядра и субъядра представляют собой территориальные узловы образования, центральное значение которых определяется их развитой полифункциональностью, распространяющейся на обширный ареал окружающих территорий.

В качестве единственного исключения в исследуемой религиозно-географической структуре можно рассматривать комплекс, известный под названием Небесные Горы. Судя по описаниям самих сушеней, приведённых в китайских хрониках, под этим объектом понимался хребет Малый Хинган, расположенный на расстоянии около 750 км от горной системы Яншао. На этой территории также не сохранилось специализированных культовых построек, но китайские летописи свидетельствуют о совершении туда жрецами и шаманами паломничеств и запрете какой-либо хозяйственной деятельности в пределах Небесных гор. В военное время здесь совершались массовые религиозные обряды, отправляемые воинами [16].

В XI веке до н. э. Небесные горы были завоеваны племенами кочевников дун-ху, полностью уничтоживших конфедерацию сушеней и осквернивших их главную святыню. Для военных столкновений того времени подобные акты были довольно характерны и не представляли собой бессмысленного проявления вандализма, а, скорее, имели символическое значение, демонстрируя полную победу над врагом и вышними покровителями захваченных территорий. Аналогичное значение возытели и более поздние события III века, когда Небесные горы были отвоеваны у дун-ху воинственными потомками сушеней – илоу [15].

Таким образом, Небесные Горы выполняли в той или иной степени коммуникативную и консолидирующую функции, что позволяет расценивать их как религиозно-географический узел – небольшое территориальное образование, влияние которого распространяется на широкий радиус. Количество и важность выполняемых функций этого структурного элемента также обуславливалось его центральным положением – судя по сведениям, предоставленным послами сушеней древним китайцам, Небесные горы располагались в самом центре Земли Сушень.

На разнообразии функций, которые выполнялись Малым Хинганом как элементом территориальной структуры, указывалось и в других исследованиях. Например, В. Г. Шведов, рассматривая этапы становления выделенного им Амурского историко-политического района, указывал, что «оттуда [из Небесных гор – В. Ш.] исходили основные экономические, культурные и политические импульсы жизни Земли Сушень» [14, с. 93]. При этом автор неоднократно отмечает, что территория Малого Хингана представляла собой «главный культовый очаг» [14, с. 95] для древнего населения юга Дальнего Востока.

Рассмотренные элементы субъузлового и узлового типа осуществляли коммуникацию между собой посредством главной единой структурной оси, которую представлял собой Амур. Структурные оси представляют собой линейные элементы, обеспечивающие взаимосвязь и обмен ресурсами между структурными элементами узлового типа. Как полагают многие исследователи, главная водная артерия, проходящая через всю территорию, в большинстве случаев служит проводящей структурной осью. Особенно это характерно для ранних этапов становления района, когда естественно-природный фактор и географические условия играют одну из первостепенных ролей в процессе становления всех сфер его существования.

Амур представлял собой структурную ось смешанного типа. Он служил для перемещения не только и не столько информации и мобелей для культово-религиозных целей, сколько осуществлял эту задачу в контексте динамических процессов общетерриториального значения (экономического, политического, военного и т. д.). Что касается осевых элементов, соединявших приморские субъузловые образования с общей структурой, то они были представлены структурными осями второго и третьего типа. Под таковыми подразумеваются различного рода тропы, дороги, часто функционирующие периодически, в зависимости от природно-климатических условий и других обстоятельств [16].

Также для РГС автохтонного комплекса субпериодов было характерно наличие элементов площадного типа. В частности, восприятие Станового хребта местными жителями как «Гор Мрака» указывает на его функцию не только как северной границы предполагаемого района, но и как религиозного резервата. Религиозные резерваты представляют собой относительно крупные территории, обладающие элементами сакральности в восприятии населения района. Это может быть, например, священная роща, река и т. д. Характер сакральности такого объекта может носить как позитивный (священные места), так и негативный характер (проклятые места). «Горы Мрака» воспринимались местными племенами в качестве последнего. Это было связано с непроходимостью горного массива для равнинных жителей, частыми туманами и набегами со стороны гор племен каннибалов.

Восприятие Станового хребта как места обитания враждебных духов продолжало сохраняться среди местного населения вплоть до

XIX века. Оно бытовало среди сушеной, а позднее среди илоу, мохэ и других, сформировавшихся намного позже аборигенных племен, будучи перенятым от предков [14]. Это было связано с постоянством естественно-природных условий и отсутствием средств, необходимых для преодоления связанных с данными условиями трудностей. Пришлое население так или иначе было вынуждено подстраиваться под особенности окружающей среды, что приводило к восприятию существовавших взглядов сакрального характера.

Более крупномасштабным и несущим на себе большую функциональную нагрузку площадным структурным элементом на территории РГР является вмещающая населённая территория (далее – ВНТ). Под этим термином предлагается понимать площадной структурный элемент, фактически совпадающий с ареалом размещения населения по данной территории, включая те её секторы, где отсутствует постоянное население, но конкретные индивидуумы пребывают определённое количество времени (кочевники, промысловики, изыскатели и т. д.). Основным свойством, характерным для ВНТ, является слоистость. Слоистость ВНТ зависит от таких категорий, как плотность населения и форма его пребывания на конкретной рассматриваемой территории.

ВНТ рассматриваемого субпериода можно условно подразделить на три слоя. Первый, наиболее плотный, совпадал с основным ареалом расселения населения, занимая площадь равнины Дунбэй, а также Южного Приморья: Приханкайской равнины и побережья залива Петра Великого. На данной территории была сосредоточена основная масса населения, являвшегося носителем описанных анимистических взглядов.

Размещение населения в таких пределах в основном было обусловлено естественно-географическими особенностями местности, оказавшими прямое влияние на хозяйственный уклад. Равнинная местность, наличие крупных рек и морского побережья способствовали благополучному развитию элементов земледелия, а также обеспечению питания рыбной ловлей и морским промыслом. В случае с населением Южного Приморья также получила развитие археологическая культура, известная как культура раковинных холмов, одним из основных видов промысла которой было выращивание моллюсков в морских заводях. В рамках ВНТ первого слоя оказались сосредоточены перечисленные ареалы распространения зоолитических петроглифов, отражавших религиозные и мировоззренческие взгляды всей массы древнего населения.

Второй слой ВНТ характеризовался меньшей плотностью и совпадал с территорией Амура-Зейской и Среднеамурской равнины. Для него была характерна меньшая плотность населения и дисперсный характер его расселения, что было связано, прежде всего, с менее благоприятными для хозяйственной деятельности природно-климатическими условиями. Здесь население, проживавшее вдоль побережий крупных рек, занималось преимущественно рыболовством, что указывает на приобретение хозяйствен-

ной деятельности присеивающего характера. Это, в свою очередь, объясняет разреженность в расположении поселений: в связи с важной ролью рыболовства у местного населения возникала необходимость в контроле общин над отдельными довольно протяжёнными промежутками рек. Как видно, дисперсный характер расселения населения и его немногочисленность определили уровень плотности данного слоя ВНТ.

Третий слой ВНТ занимал всё Нижнее Приамурье, горные сооружения к северу от Амура вплоть до Станового хребта, водораздел и восточный склон Сихотэ-Алиня, топи Санцзян. Каждая из перечисленных территорий обладала каким-либо ярко выраженным природно-климатическим условием, неблагоприятным для развития хозяйственной деятельности и массового расселения. Поэтому здесь преобладал разреженный тип расселения, представленный мелкими общинными или даже семейными группами, которые были заняты исключительно присваивающими формами хозяйства и совершали сезонные кочёвки по местам своего ежегодного охотничьего промысла. Но пребывавшее здесь в той или иной форме население, вне зависимости от времени своего пребывания на этой территории, являлось носителем религиозно-мировоззренческих взглядов, так или иначе справляло религиозный культ, в качестве которого могли фигурировать молитвы, охотничьи обряды, ритуальные песнопения, ношение личных амулетов, организация временных переносных святилищ и т. д. Это обусловило слабую плотность и дисперсно-вахтвый характер данного слоя ВНТ [16].

Таким образом, можно заключить, что автохтонный комплекс субпериодов развития ПП РГР характеризовался относительно равномерным и однообразным религиозно-географическим фоном, представленным анимистическо-шаманистскими верованиями. Ключевую роль в формировании религиозных и мировоззренческих взглядов играл естественно-природный фактор, что находит отражение в многочисленных зоолотрических петроглифах Приамурья и Приморья.

Что касается религиозно-географической структуры территории района, то она была довольно слабо дифференцирована, но, тем не менее, имелись четко обозначенные субъузловые и одно узловое образования. Основная ось этой структуры – река Амур – имела естественное происхождение и представляла собой структурную ось смешанного типа, выполняя коммуникативные и транспортные функции, касающиеся всех сфер жизни древнего населения юга Дальнего Востока.

Кроме того, в пределах рассматриваемой территории имелась ВНТ, условно разделённая на три слоя в соответствии с принципом убывания плотности населения. Границы рассматриваемого участка земной поверхности на данном хронологическом отрезке были сформированы в основном под воздействием естественно-природного фактора. Кроме того, рассмотренное территориальное образование располагало религиозным резерватом негативного характера, совпадавшим с очерчивающим северную границу Становым Хребтом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Башилов В. А.* Темпы исторического процесса в важнейших центрах «неолитической революции» Нового и Старого Света [Электронный ресурс]. URL: http://www.indiansworld.org/tempy_istoricheskogo_processa_v_vazhneyshih_centrah_neoliticheskoy_revolyuicii_novogo_i_starogo_sveta#.VhnByuztmko (дата обращения: 11.10.2015).
2. *Голубь А. Б., Шведов В. Г., Шведова В. В.* Зоолотрические петроглифы Приамурья – опыт реконструкции символических значений // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 10(48). Ч. I. С. 204 – 208.
3. *Деревянко А. П.* Ранний железный век Приамурья. Новосибирск: Наука, 1973. 356 с.
4. *Жеребина Т.* Сибирский шаманизм: этнокультурный атлас. СПб: Амфора, 2009. 621 с.
5. *Завгородний Ю. Ю.* Сакральная география и феномен паломничества: тайное или явное? [Электронный ресурс]. URL: <http://aiemasem.org/wp-content/uploads/2015/05/zavgorodniy3.pdf> (дата обращения: 11.10.2015).
6. *Колосовский Н. Н.* Теория экономического районирования. М.: Мысль, 1969. 336 с.
7. *Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья. Владивосток: Приморское кн. изд-во, 1959. 292 с.
8. *Окладников А. П.* Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука, 1971. 335 с.
9. *Рацель Ф.* Народоведение [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/ratz/ (дата обращения: 11.10.2015).
10. *Саушкин Ю. Г.* От метагеографии к теоретической географии // География в системе наук / отв. ред. В. С. Жекулин, С. Б. Лавров. Л.: Наука, 1987. С. 11 – 20.
11. *Слейтер С.* Геральдика. М.: Эксмо, 2007. 264 с.
12. *Уитлси Д.* Региональная концепция и региональный метод // Американская география: современное состояние и перспективы развития / сост. П. Джемс, К. Джонс. М.: ИИЛ, 1957. С. 37 – 80.
13. *Фрэнгер Д.* Золотая ветвь. М.: АСТ, 2010. 767 с.
14. *Шведов В. Г.* Историческая политическая география Амурского района. Ч. 1. Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН, 2000. 270 с.
15. *Шведов В. Г.* Историческая политическая география: обзор становления, теоретические основы, практика. Владивосток: Дальнаука, 2006. 259 с.
16. *Шведов В. Г., Шведова В. В.* Реконструкция территориальной структуры Земли Сушень // Структурные трансформации в геосистемах Северо-Восточной Азии: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 23 – 24 апреля 2015 г., г. Владивосток. Владивосток: Дальнаука, 2015. С. 97 – 101.
17. *Шведова В. В.* Краткий обзор этапов формирования Дальневосточного религиозно-географического района // Географические исследования восточных районов России: этапы освоения и перспективы развития. Владивосток: Изд-во Тихоокеанского ин-та географии ДВО РАН, 2014. С. 350 – 355.
18. *Шведова В. В.* Роль естественно-природного фактора в формировании профессионального фона территории // Перспективы развития науки и образования: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. 31 января 2014 г., Тамбов. Ч. 12. Тамбов: Бизнес. Наука. Общество, 2014. С. 149 – 150.
19. *Шведова В. В.* Факторы образования религиозно-географического района: первичный опыт выделения // Наука XXI века: сборник материалов IV Межвузов-

ской методологической конференции магистрантов, Биробиджан, 14 февраля 2014 г. В 4 ч. Ч. 3. Биробиджан: ИЦ ПГУ им. Шолом-Алейхема, 2014. С. 64 – 68.

* * *

Shvedova Vlada V.

ABORIGINAL COMPLEX OF PROTO PERIODS IN THE PROCESS OF BECOMING AND EVOLUTION OF PRIAMURO-PRIMORSKIY RELIGIOUS GEOGRAPHICAL ARIA

(Sholom-Aleichem Priamursky State University, Birobidzhan)

Religion and religiosity of the population are integral elements of the history of mankind. While in conjunction with numerous parties of society at all times, religion combines the properties of both social and territorial phenomena. As a result, it is possible to speak about the presence of territorial differences in the pattern of spread of different religions. This, in turn, leads to the possibility of allocating on the territory of the district on religious and geographical type. As regards the process of folding this religiously-geographical area, it can be quite a broad chronological span. Each of the stages of this period is characterized by certain features characteristic for the emerging area at a specific time. In addition, these features can have a direct influence on the further process of rajonoobrazovaniâ and the current state of religious and geographical area under consideration. This article is about the structure of the religious geographical Priamuro primorskiy aria's territory at an early stage of its development. There are reviewed indigenous animistic beliefs, archaeological material as iconic rock paintings. Also there are described basics of zoning and structuring of this territory. Author identified and described main structural elements.

Keywords: religious geographical aria, religious geographical structure, petroglyphs, animism, religious geographical background, contained populated territory.

REFERENCES

1. Bashilov V. *A Tempy Istoricheskogo Processa V Vazhnejshih Centrah Neoliticheskoy Revolyucii Novogo I Starogo Sveta* (The pace of the historical process in the most important centers of the «Neolithic revolution» New and Old World) Available at: http://www.indiansworld.org/tempy_istoricheskogo_processa_v_vazhnejshih_centrah_neoliticheskoy_revolyucii_novogo_i_starogo_sveta#. VhnByuztmko (accessed 11 October 2015)
2. Glub A B., Shvedov V. G., Shvedova V. V. Animal petroglyphs of the Amur region the experience of reconstruction of symbolic meanings [Zoolotricheskie petroglify priamurya opyt rekonstrukcii simvolicheskikh znachenij]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki. Kulturologiya i iskusstvovedenie voprosy teorii i praktiki*, 2014, no. 10(48), vol. 1, pp. 204–208.
3. Derevyanko A. P. *Rannij zheleznyj vek priamurya* (Early Iron Age of Priamurje). Novosibirsk: Nauka, 1973. 356 pp.
4. Zhrebina T. *Sibirskij shamanizm ehtnokulturnyj atlas* (Siberian shamanism: ethno cultural atlas). St. Petersburg: Amphora, 2009. 621 pp.
5. Zavgorodnij Yu. Yu. *Sakralnaya geografiya i fenomen palomnichestva tajnoe ili yavnoe* (Sacred Geography and the phenomenon of pilgrimage: the mystery and clear?) Available at: <http://aiem.asem.org/wp-content/uploads/2015/05/zavgorodnij3.pdf> (accessed 11 October 2015).
6. Kolosovskij N. N. *Teoriya ehkonomicheskogo rajonirovaniya* (The theory of economic regionalization). Moscow: Thought, 1969. 336 pp.
7. Okladnikov A. P. *Dalekoe proshloe primorya* (The distant past of Primorye). Vladivostok: Seaside Publishing House, 1959. 292 pp.
8. Okladnikov A. P. *Petroglify nizhnego amura* (Lower Amur Petroglyphs). Leningrad: Science, 1971. 335 pp.

9. Ractel F. *Narodovedenie* (Humanitarian geography) Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/ratz/ (accessed 11 October 2015).
10. Saushkin Yu. G. *Ot metageografii k teoreticheskoj geografii. Geografiya v sisteme nauk* (From a meta theoretical geography. Geography in the sciences). Leningrad: Science, 1987, pp 11 – 20.
11. Slejter S. *Geraldika* (Heraldry). Moscow: Eksmo, 2007. 264 pp.
12. Uitltsi D. *Regionalnaya koncepciya i regionalnyj metod. Amerikanskaya geografiya sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* (Regional concept and method of regional. American geography: current state and prospects of development). Moscow: OR, 1957, pp. 37 – 80.
13. Frehzer D. *Zolotaya vetv* (The Golden Bough). Moscow: AST, 2010. 767 pp.
14. Shvedov V. G. *Istoricheskaya politicheskaya geografiya amurskogo rajona. Chast 1* (Historical political geography of the Amur region. Part 1). Birobidzhan: IKARP FEB RAS, 2000. 270 pp.
15. Shvedov V. G. *Istoricheskaya politicheskaya geografiya: obzor stanovleniya teoreticheskie osnovy praktika* (Historical political geography: an overview of development, theoretical foundations, practice). Vladivostok: Dal'nauka, 2006. 259 pp.
16. Shvedov V. G., Shvedova V. V. *Reconstruction of the territorial structure of the land Sushen [Rekonstrukciya territorialnoj struktury zemli sushen]. Strukturnye transformacii v geosistemah severo vostochnoj azii materialy vserossijskoj nauchno prakticheskoy konferencii* (Structural transformation in the ecosystems of the North East Asia. Proceedings of the scientific practical conference). Vladivostok: Dal'nauka, 2015, pp. 97 – 101.
17. Shvedova V. V. A brief overview of the stages of formation of the Far Eastern religious geographical area [Kratkij obzor ehtapov formirovaniya dalnevostochnogo religiozno geograficheskogo rajona]. *Geograficheskie issledovaniya vostochnyh rajonov rossii ehtapy osvoeniya i perspektivy razvitiya*. Vladivostok: Publishing house of the Pacific Institute of Geography FEB RAS, 2014, pp. 350 – 355.
18. Shvedova V. V. The role of natural factors in the formation of denominational backgrounds territory [Rol estestvenno prirodnoho faktora v formirovanii konfessionalnogo fona territorii]. *Perspektivy razvitiya nauki i obrazovaniya* (Prospects for the development of science and education). Tambov: Business Science Society, 2014, pp. 149 – 150.
19. Shvedova V. V. Factors religious education of the geographical area: the primary experience allocation [Faktory obrazovaniya religiozno geograficheskogo rajona pervichnyj opyt vydeleniya]. *Nauka XXI veka* (Science of the XXI century). Birobidzhan: Publishing Center of Sholom Aleichem Priamursky State University, 2014, vol. 3, pp. 64 – 68.

* * *